

Русским, Польским и Всем Славянским друзьям

Михаил Бакунин

Михаил Бакунин
Русским, Польским и Всем Славянским друзьям
2 февраля 1862 года

Скопировано 15.04.2025 https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003621514?page=34&rotate=0&theme=black
Это одна из первых брошюр Бакунина, освободившегося
из заточения и нырнувшего вовсю в польское восстание.
В нем Бакунин пока еще не анархист, но радикальный
народник, сторонник народных прав и прав народных
низов, сторонник такой свободы и самоуправления, какое
выберут себе сами освобожденные народы.

ru.anarchistlibraries.net

2 февраля 1862 года

**Краткое содержание
статьи Бакунина от
Драгоманова**

Статья под этим заглавием была напечатана 15 февраля 1862 года при «Колоколе», а также отдельными листками, и в 1888 году перепечатана была в Женеве (M. Elpidine, Libraire-editeur) и не составляет теперь редкости, а потому мы можем ограничиться изложением ее содержания, необходимым для характеристики движения мыслей Бакунина.

Извещая друзей своих о своем побеге из Сибири, Бакунин заявляет готовность «положить вместе с ними всю остальную жизнь на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян». Автор считает время благоприятным для деятельности: воскрешение Италии обещает близкое разрушение «ненавистного здания габсбургско-лотарингской монархии», а затем и «ее товарища по старости, страху и горю» – империи «турецкой». «Ожила Польша. Воскреснет теперь и Россия». В такое «великое время» Бакунин желает работать на родине, – потому что «плохо быть деятелем на чужой стране. Я это испытал, говорит он, в революционных годах: ни во Франции, ни в Германия не мог пустить корни... Я должен ограничить свою прямую деятельность Россией, Польшей, Славянами».

В России Бакунин видит две, друг другу противоположные партии: *партию реформ и партию коренного переворота*. Первая не понимает, что «вся официальная, Петром созданная Россия проникнута ложью». (Ср. Ив. Аксакова). «Народ сбросит ее», – но «распадение петровского государства не будет похоже на разрушение австрийской или турецкой империи. – потому что даже в крайнем случае «останется огромное великорусское племя в 40 миллионов, племя бодрое, умное, широко способное, еле-еле тронутое, а потому и неистощенное историей. «Как бы ни было тяжко положение (великорусского народа) внутри, он все-таки дорожил единством, величием, силами России и готов

ко может. Точные имена вкладчиков не нужны, отчеты будут печататься на выпуске каждой брошюры.

*Geneve M. Elpidine Libraire-Editeur
68, Rue du Rhône, 68
1888*

У всех образованных народов существует обычай вспоминать, время от времени, о своих борцах за народное дело – то изданием их сочинений, то их деловой корреспонденцией, а иногда и просто периодическими юбилеями – годовщинами. Благодаря этому обычая в Италии, например, имена Мадзини и Гарибальди сделались синонимами друга и защитника домашнего очага, как у горожанина, так и сельского пахаря.

У нас в России другое дело: подобные поминки преследуются суровыми караами, хотя и не предусмотренными в уложении о наказаниях. Потому сочинения Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена и напечатаны заграницей. Об Михаиле Александровиче Бакунине все забыли, хотя этот славянский богатырь имел поклонников во всех классах русского общества: с ним дружили не только «недоучившиеся студенты», но и крупные землевладельцы, князья и княгини, даже такие крупняки, как Муравьев-Амурский, генеральный губернатор Восточной Сибири, который предлагал Бакунину взбунтовать местных каторжников, чтобы с ними начать восстание и отрезать Сибирь от России по самый уральский хребет. Если уже ставить имя на патриотическую почву, чтобы не сказать, квасную, то Бакунин и ей отвечал. Немец – русский враг, по мнению официальной русской прессы, – Бакунин бунтовал против немца в 1849 году и чуть было не поплатился головой и только благодаря Николаю I, который вырвал своего «дворянина» из габсбургских когтей и заключил в Шлиссельбургскую крепость. После шумной деятельности в Европе (с 1862 – 1874) Бакунин похоронен в Швейцарии, в Берне, в 1875 году.

Начиная издание его сочинений, я зову всех «людей доброй воли» по точному выражению самого Бакунина, к подписке на его сочинения. Всякий может вносить, сколь-

быль на все жертвы. Таким способом образовался в великорусском народе государственный смысл и национализм без фраз, а на деле. Таким образом он один успел между славянскими племенами, один удержался в Европе и дал себя почувствовать всем, как сила». В это же время этот народ отстаивал свою самобытность и против государства: *расколом*.

Теперь «времена приближаются», как говорят раскольники. Освобождения ждет народ от царя, и горе царю, горе дворянам, монополистам, офицерам, чиновникам, казенным попам, всей казенной России, если народу не дается теперь *полная свобода с полным обладанием землей...* «Немецкие подставы петровского государства стнили... ... Старый императорский мир валится, с ним вместе валится вся казенная Россия: дворянство, чиновничество, казенная армия, кабак, острог и казенная церковь или в старом николаевском смысле: народность, самодержавие и православие, – все эти выродки чудовищного сочетания татарского варварства с немецкой политическою наукой, обречены на несомненную и скорую гибель. Что же остается живым? – Один только народ».

Бакунин старается доказать ничтожество всех расчетов правительства. Сначала оно думало опереться на чиновников, против дворян, а теперь «пожалуй дадут дворянскую конституцию». Но чиновничество и дворянство – одно и тоже и одинаково ненавистны народу. Дворянство это «поймет, когда блеснет топор»... «И так да здравствует крестьянская Россия!».

Кроме крестьян Бакунин признает в России силой только «общество всех людей живой мысли и доброй воли, соединенных безграничной любовью к свободе, верой в русский народ, в будущность славянского племени». Эта сила «состоит из бесчисленного множества лиц всех сословий,... оторвавшегося от сословий и от всех признанных положе-

ний в России, (из людей) ненавидящих настоящее, готовых отдать жизнь свою за будущее, живущих так сказать на воздухе, бездомная, странствующая церковь свободы»... К этим людям и обращается Бакунин и спрашивает: «что мы должны делать?».

«Мне кажется, отвечает Бакунин, что мы должны, во-первых, оставаясь посторонними зрителями всего, что делается и пробуется ныне в официальном и дворянском мире, всех этих конституционных и полуконституционных попыток, которые разумеется кончатся ничем, и может быть ускорять неминуемый разгром империи народной силой, – мы должны крепко между собой соединиться, дабы образовать *народную партию и силу* сознательную, целесообразную, действительную, вне и против официальной силы. Должны организоваться в *кружки... собираять деньги...*

Во-вторых, мы должны громко и ясно выговорить цель общества. Но может ли быть у нас иная цель и другое желание, кроме *пришествия народного царства*. Мы любим только народ, верим только в народ и хотим только того, чего хочет народ. Но что нужно народу? Повторяю с «Колоколом»: «Земля и Воля»... не часть земли, но *вся русская земля...* с выкупом или без выкупа, – все равно... Народу нужна свобода, но не выкроенная по узкой мерке наших доктринеров ученых и бюрократов. Ему нужна вся свобода, и прежде всего безъизъятная и бесконтрольная *свобода движения...* так как в русском мире останутся только два сословия: горожанин и селянин, – даже и не сословия, а только различия, и различия не окаменелые, как на Западе, но переливающиеся друг в друга.

Ему нужна полная и безгранична свобода веры и слова, свобода торговли и промысла, и наконец свобода собираться публично для политических и неполитических целей. Одним словом, ему нужны все свободы, все разновидные

От издателя

ни даже перед всеподавляющим равнодушием, которое часто встречаем на нашей трудной стезе. Не предаваясь унынию и не обольщая себя пустыми надеждами, с терпением, без честолюбия, исполним свое скромное, но необходимое дело. Мы должны очистить дорогу перед *великим призванником*: да приблизится час его торжества, и тогда, да будет воля его.

Обращаюсь теперь к Польским братьям. Не говорю к друзьям – у нас нет еще польских друзей. Между нами и ними, реки мученической крови, проливаемой в продолжении целого века и недавно еще пролитой русскими войсками. Между нами, пропасть отвратительного зверского бесчиния, совершающегося ежедневно по целой Польше, правда, петербургской волей, но русскими руками. Они в праве нам не доверять и нас ненавидеть. Мы, все русские, от малого до великого, в их и в наших собственных глазах, ответственны за подлые дела за черные преступления русских жандармов и генералов, русских чиновников и офицеров, за безобразно-дикое насилие наших пьяных от водки и палок солдат. Слов мало, как бы искренни и горячи они не были, для того, чтобы сеять с нас такую ответственность. Для этого нужны дела, и к делу мы готовимся. Не мы одни, вся Россия с нами готовится. Вопрос состоит в том: *подаст ли нам Польша руку на дело*.

Чтобы действовать сильно против общих врагов, надо действовать вместе. А для того, чтобы действовать дружно, надо сговориться.

2 февраля 1862 г.

проявления одной свободы. А для того, чтобы свобода стала для него действительностью, ему нужно *Самоуправление*, устройство которого дай бог чтобы произошло не по велению диктатора, и не по решению верховного парламента, точно никогда не выражавшего волю народную; не сверху к низу, как это делалось по сию пору в Европе; но органически, снизу вверх, через вольное соглашение самостоятельных обществ в одно целое, начиная от общины, – социальной и политической единицы, краеугольного камня всего русского мира, – до областного, государственного, пожалуй до федерального обще-славянского управления...

Но боже избави нас от одной ошибки: не будем доктринерами, не станем сочинять конституций и наперед предписывать законы народу. Вспомним, что наше призвание иное; что мы не учители, а только предтечи народа; что мы должны расчистить перед ним дорогу, и что наше дело по преимуществу не теоретическое, а *практическое*.

Мы должны, *в-третьих*, подать братскую руку всем *Славянам*, но прежде всего и во что бы то ни стало, нашим оскорбленным братьям *Полякам*.

Бакунин далее говорит относительно много о польском вопросе и между прочим о границах Польши. По этому поводу он говорит: «Поляки требуют может быть слишком много. Они не удовольствуются одним Царством Польским, изъявят исторические притязания на Литву, Белоруссию, даже включая Смоленск, на Лифляндию, Курляндию и на всю Украину, включая Киев... Я думаю, что поляки. делают большую ошибку, ставя вопрос таким образом». Бакунин предлагает предоставить самим народам названных провинций решить вопрос, – хотят ли они «слиться с Польшей, или Россией, быть ли самостоятельными членами Польской или Русской или общеславянской федерации». Русским, или собственно великоруссам он предлагает во всяком случае заботиться об очищении народной России

от чужого ей официального мира: «Отошлем своих татар в Азию, своих немцев в Германию, будем свободным, чисто русским народом»...

Тогда, надеется Бакунин, и хлопская Польша, которая одна теперь возможна, потянет к хлопской России, и Россия станет нужна славянам и самим полякам. «Они сами позовут нас на помощь, когда пробьет час общеславянской борьбы, когда нужно будет отстаивать славянские земли в западной Пруссии, в Познани, в Силезии, в Буковине, в Галиции, в Велико Чешской Земле, во всей Австрии и в целой Турции».

Под конец Бакунин опять обращается к полякам, с предложением союза для предстоящей в России борьбы. В следующей половине статьи он обещает поговорить «с братьями Австрийскими и Турецкими Славянами», – но эта половина не появилась, хотя под первой было напечатано: «продолжение в следующем номере».

1896 г. Женева, Украинская типография. "Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену Н. П. Огареву".

сами рабами, мы будем напрягать последние силы, чтобы удержать еще на несколько лет в рабстве Польшу, Литву, Украину: то есть, убьем самих себя окончательно, чтобы в последствии быть действительно выброшенными в Азию негодующими на нас славянскими племенами. Да это и невозможно; народу великорусскому нет дела до ваших честолюбивых замыслов. Какая ему надобность в том, чтобы те же чиновники, которые грабят его, теснили как прежде, так и теперь малороссиян, литовцев, поляков? А ведь в этом только и состоит ваше всероссийское государственное единство. Народу нужна своя земля, да своя воля. Он их скоро возьмет, а чужой земли и чужой воли ему не надо. И так, хотите, не хотите, а надо будет отказаться от всяких насильственных удержаний и присоединений. И остается одно: признать добровольно полную независимость и свободу всех окружающих нас славянских и неславянских племен. И будьте уверены, что лишь только мы сделаем это, все наши соседи несравненно ближе и крепче соединятся с нами, чем они связаны с нами теперь. Мы будем нужны славянам, мы будем нужны самим полякам. Они сами позовут нас на помощь, когда пробьет час общеславянской борьбы; когда нужно будет отстаивать славянские земли в западной Пруссии, в Познани, в Силезии, в Буковине, в Галиции, в Великой Чешской Земле, во всей Австрии, и в целой Турции. И так, господа, не бойтесь за Россию, и не клевещите на нее, уверяя, что для благосостояния и славы ее необходимо унижение и рабство соседних народов. Освобожденный русский народ, чуждый вашим тесным страхам и вашему капральскому честолюбию, протянет братскую руку всем освободившимся вместе с ним племенам, и прежде всего полякам.

А мы друзья, верующие в русский народ, пойдем вперед и дружно и смело. Верные ему до конца, не остановимся ни перед какими угрозами, ни перед какими препятствиями,

наш официальный мир, что вся наша действительность, как не сочетание татарского содержания с германскими формами. Отшлем же татар своих в Азию, своих немцев в Германию, будем свободным, чисто русским народом, и тогда не бойтесь, никто не будет в силах, да никто и не захочет выбросить нас из Европы. Мы не будем отделены от нее, потому что между нами и ей будут во всяком случае жить дружественные народы, более или менее с нами связанные и племенным родством, и языком своим столь близким к нашему, понятиями нравственными и материальными интересами, наконец, всем общественным устройством и направлением своим, которые ни в каком случае не будут различны от нашего. Но скажут, Польша опять организуется в сильное аристократическое или, пожалуй, даже монархическое государство и, по старой ненависти к нам, возобновит пагубную борьбу против России. Пожалуй, Польша вольна делать что хочет; но неужели вы думаете, *во-первых*, что в самом деле может восстановиться аристократическая, шляхетская или даже королевская Польша? Неужели вы не видите, что возможна только одна *Хлопская Польша*. Ведь панскими программами ни одного хлопа не расшевелишь.

Когда к хлопам придет весть из России о том, что русский народ встал за свободу и за землю, неужели думаете вы, что украинцы, белорусы, литовцы и даже народ польский пойдут против России, если бы даже панам и вздумалось их вести против нас. И чего же вы наконец страшитесь за сорокамиллионный крепкий великорусский народ? Не бойтесь, не маленький он, его не обидят, он постоит за себя. Не бойтесь даже, чтобы он потерял свое законное обаяние и ту политическую силу, которая выработалась в нем трехвековым подвигом мученического самоотречения в пользу своей государственной целости. Дело в том, что нам остается выбирать одно из двух: или оставаясь

РУССКИМ, ПОЛЬСКИМ и ВСЕМ СЛАВЯНСКИМ ДРУЗЬЯМ¹

¹ В женевском издании 1888 года вместо «друзьям», значатся «землям».

После восьмилетнего заключения в разных крепостях и четырехлетней ссылке в Сибири, мне удалось освободиться. Я стал старше годами, потерял много здоровья, утратил ту бодрую эластичность членов, которая вооружает счастливую юность силой непобедимой. Но сохранил за то отвагу всепобеждающей мысли, и сердцем, волей, страстью остался верен друзьям, великому общему делу, себе. В другое время, в кратких записках, я расскажу свою прошедшую жизнь, участие которого я принимал в делах 1848 и 1849 года, мое пленение, заключение, заточение и наконец освобождение. Теперь являюсь к вам, старые испытанные друзья, и вы, друзья молодые, живущие одной мыслью, одной волей, с нами, и прошу вас: примите меня снова в вашу среду, и да будет мне позволено между вами и вместе с вами положить всю остальную жизнь мою на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян.

Не даром прошли тринацать последних годов, после катастрофы 1848 и 1849 года. Мир отдохнул, как бы пришел в себя и вновь воспрянул к новому движению. Воскресла всеми любимая красавица Италия, поникло еще ниже ненавистное здание габсбургско-лотарингской монархии – камень на груди живых народов, и кажется в непродолжительное время рушится совершенно под ударами ныне соединенных итальянцев, мадьяр и славян. Вместе с австрийской империей падет без сомнения – некогда ее враг, ныне ее сообщник – товарищ по старости, страху и горю, ее единственный друг, не менее варварская, но может быть более честная чем она, империя турецкая – и из развалин двух чудовищных государств возникнут к новой жизни, к широкой свободе, призванники новой цивилизации: итальянцы, греки, румыны, мадьяры, и все великое братски воссоединенное славянское племя. Ожила Польша. Воскресает теперь и Россия.

вопрос о праве не существует. Им я задам другой вопрос: какими средствами думают они удержать в петербургском подданстве народы, которые не захотят быть петербургскими подданными? Уж не надорванной ли петербургской силой? Но для нас, поборников свободы, вопрос о праве – вопрос существенный. Мы понимаем, что где право, там и настоящая сила. Мы понимаем, что уродливо, нелепо, преступно, смешно, *практически невозможно*, в одно и тоже время, восстать во имя свободы и притеснять соседние народы. Эту мудреную логику мы оставим уж немцам, нашим учителям логики и как известно, первым практикам в мире; их сердце так широко, что в одно и тоже время оно может вместить и негодование против датчан за то, что они шлезвиг-гольштейнских немцев хотят отдачаний, и негодование против познаньских и чешских славян за то, что они не поддаются насилиственному онемечиванию. Нам такая ширина не идет. Она губит их, зачем же нам гибнуть? И я опять спрашиваю: каким правом станем мы насиливо удерживать Литву, Беларусь, Украину и все другие провинции нам теперь подчиненные, если они захотят присоединиться к Польше? Мне скажут: по праву самосохранения; если весь запад нынешней российской империи отделится от России, Россия будет опять отброшена в Азию. Полно так ли? Будто Азия, в этом смысле, определяется географической, а не нравственной чертой? И чем, например, сибирский народ, живущий по ту сторону Уральского хребта, следовательно по понятиям географическим, в Азии, чем он хуже народа европейской России? Не покрепче ли он, напротив, и без сомнения свободнее? В смысле нравственном, общественно-политическом, Азия начинается там, где царствует произвол и насилие. Если так, то не теперь ли мы в Азии, или вернее, не теперь ли Азия царствует во всей российской империи? Что

малому и великому племени, были вполне предоставлены возможность и право поступать по воле: хочет он слиться с Россией или с Польшей, пусть сливается. Хочет быть самостоятельным членом: Польской или Русской или Общеславянской федерации? Пусть будет им. Наконец, хочет ли он вполне от всех отделиться и жить на основаниях, совсем отдельного государства? Бог с ним, пусть отделяется. Кажется ясно, и, если Литва, Курляндия, Лифляндия, Беларусь со Смоленском, Украина с Киевом, не насилием и не интригой, а прямым и явным решением народов, потянут к Польше, мы ни слова не скажем против этого. Все будет зависеть от степени самостоятельности этих стран, от их способности или неспособности жить между собой. А между Россией и Польшей должна существовать отныне только одна борьба, борьба притягательной силы той или другой, на живущие между ними народы. Чье духовное обаяние возьмет верх, где народам будет жить привольнее, туда они и пойдут. И так, весь вопрос о границах возвращается к тому же: что прежде осуществится: Хлопская Польша или Крестьянская Россия? Дай бог, чтобы они осуществились вместе, и чтобы между нами было не Петрово и не Павлово, а Христово, то есть, *Общеславянское Дело*.

Я знаю, что против меня восстанут в России все панслависты-централизаторы, все квасные николаевские патриоты. Как, скажут они, вы отдаете Польше Литву, Белоруссию, Украину? Что же нам остается? Не я отдаю, я недостаточно силен, чтобы распоряжаться судьбой народов, да и вообще не признаю ни за кем права располагать ими без их согласия. Я говорю только, что для меня и для всех единомышленников моих, а нас много, верховный закон – это воля самих народов. Если эти провинции действительно захотят быть интегральными частями польского государства, по какому праву вы им помешаете? Я понимаю, что для поклонников николаевского насилия

Да, время великое. Как будто бы новый дух пробежал по спящим народам, призывая живых к делу, а мертвым возвещая могилу. Я чувствовал себя живым и бежал из Сибири. Что-ж буду я теперь делать? Что должны мы все делать?

Всякому человеку естественное поле для действия – Родина. Плохо быть деятелем на чужой стороне. Я это слишком хорошо испытал в революционных годах: ни во Франции, ни в Германии я не мог пустить корня. И так, сохранив всю горячую симпатию прежних лет к прогрессивному движению целого мира – для того, чтобы не растратить попусту остаток моей жизни, я должен ограничить отныне свою прямую деятельность Россией, Польшей, Славянами. Эти три отдельные мира в любви и в вере моей нераздельны.

Россия явно находится на кануне важных переворотов. После несчастно-счастливой крымской компании, повеяло как будто весенним воздухом по всему оледенелому пространству ее, даже до самых крайних пределов Восточной Сибири. Россия оттаяла, вздохнула впервые после тридцатилетнего николаевского мороза, и с молодой энергией заговорила о необходимости возобновления. Эта была прекрасная минута: все ожило, все воскресло – даже ненависти к прошедшему не было в сердцах, все смотрело вперед, все было проникнуто верой, да любовью. Но такие минуты непродолжительны. От чувств должно было перейти к делу. Что делать? Куда идти? Чего желать, требовать? Возникло вдруг тысяча вопросов, и на них тысяча разнородных оттенков. Оказалось, что если во время царствования императора Николая говорить перестали, то не переставали думать, и мысль сильная, окрепшая в безмолвном уединении, вооруженная живой наукой, живым полуосвободившимся словом, вступила на арену. И как всегда, мнения были различные: все соглашались в том, что

оставаться в старом положении было невозможно; печальный исход николаевского царствования обнаружил ложь его правительственной системы – он довел государство до края гибели. Надо было восстановить силу и славу России. Того требовало царское честолюбие, того требовала народная гордость. Но какими средствами ее восстановить? Когда ясно поставился этот вопрос, общественное мнение, дробившееся сначала на множество различных оттенков, создало два главные, друг другу противоположные партии: *партию реформ, и партию коренного переворота*.

Первая полагала, что, не трогая основ государства, достаточно будет предпринять преобразования, впрочем, довольно значительные, в порядке административном, финансовом, военном, судебном, равно как и в системе публичного воспитания для того, чтобы вполне восстановить силы поникшего государства. Партия эта позабыла одно: в наших постановлениях, регламентах, в своде законов разбросано множество золотых правил человеколюбивых и мудрых сентенций, которые сделали бы честь любому философи и филантропу; но что все это – мертвая буква, потому что в официальной, Петром созданной России, где все естественное извращено, где никому нет ни самостоятельного движения, ни свободного места, где все внутреннее и живое пожертвовано в пользу внешней государственной силы, исполнение их невозможно. Они позабыли, что главный недостаток нашего государства то, что точит и губит его, есть отсутствие правды везде, что всегда во всем ложь не может быть на поверхности, но должна корениться в глубине, в самом начале государственной системы. Позабыли, что где нет жизни, там не может быть и правды, на что русская жизнь, ушедшая в глубь со времен насилиственных петровских реформ, никогда не оживляла собой петровского создания. Более полутораста лет, русский народ нес на своих здоровых плечах неуклю-

бы не полон, ощущал бы ничем не заместимую пустоту, был бы лишен своего венка. Да, мы любим поляков, мы удивляемся им, мы верим в их высокую будущность, неразрывно связанную с будущностью всех славян, мы верим в их братство с нами. Что за дело, что они теперь к нам холодны и недоверчивы, что, даже близко сходясь с ними, мы встречали до сих пор более дипломатической осторожности и любезности, чем братского чувства. Мы виноваты, и как еще виноваты! Мы должны все перенести от них и доказать им на деле, а не на словах только, наше право на братство с ними. Терпением, любовью, верой в них, делами справедливости и свободы, мы победим их холодность и их недоверие. И станем мы братьями, потому что братство наше необходимо для общеславянского дела.

Мы слишком горячо желаем их дружбы и слишком уверены в том, что откровенность полная есть первое условие всякой истинной дружбы, чтобы скрыть от них наши мысли даже когда они расходятся с их убеждениями, и я еще раз повторяю; я думаю, поляки ошибаются, когда, не спрашивая украинский народ, они вперед присваивают себе Украину, лишь на одном основании исторического права. Мне кажется, что Украина польская вместе с русинами галицкими, вместе с нашей Малороссией, – страна в пятнадцать миллионов, говорящих одним языком, исповедующих одну веру, *будет не Польшей, и не Россией, а сама собой*. Я думаю, что вся Украина, также как и Беларусь, – также как и Чухоно-Латышские, отнюдь же не немецкие, Курляндия и Лифляндия, а может быть также и сама Литва, вместе с Польшей и Россией, вместе со всеми другими славянскими племенами, населяющими Австрию и Турцию, будет самостоятельным членом общеславянского союза. Так я думаю, но может быть я и ошибаюсь – я выговариваю мысль, но не требование, даже не абсолютное убеждение. Я требую только одного: чтобы всякому народу, всякому

гражданской свободы. Согласно с этим, в старинное время достаточно было, чтобы в какой-нибудь стране вельможи и шляхта были поляками для того, чтобы вся страна считалась Польской, к какой бы, впрочем, черный народ не принадлежал национальности. Тогда это было естественно, потому что в то время собственно народ не считался ни во что; он не имел голоса, ни права иметь свою волю. Но теперь, когда везде народ громко требует воли, возможно ли это? Аристократическая Польша будет ли в состоянии противостоять крестьянской России? Возможно ли будет воссоединение Литвы, Беларуси, Лифляндии, Курляндии и Украины к Польше, если крестьяне литовские, белорусские, лифляндские, курляндские и украинские того не захотят? К чему же говорить об исторических, стратегических и экономических границах? Разве ими можно тронуть и убедить народы? Что им до исторических воспоминаний? Они им чужды; ведь они знают, что они всегда были рабами и остаются рабами. Нет, им нужно другое. Точно также как и народу русскому, им нужна земля да воля, в том же широком смысле, в каком их требует русский народ. Обернитесь спиной к прошедшей истории, объявите Хлопскую Польшу, тогда многие из этих племен, а если от вас Россия отстанет, пожалуй, и все пойдут за вами.

Я думаю, что поляки ошибаются. Но мы не имеем право на них сердиться. Мы слишком грешны перед ними. И да будет опозорен тот из русских, у кого в настоящую минуту, когда русские войска режут польский народ, топчут польских детей и женщин, достанет духу сказать хоть одно слово упрека героическим и благородным детям этой мученической, но далеко не подавленной страны. Не подавленной, нет: *Jeszcze Polska nie zginęła!* И мы с восторгом и с умилением приветствуем дивное возрождение величественного славянского народа, без которого славянский мир был

жую, на скоро сколоченную петербургскую империю, как бы предчувствуя, что она выдвинет его на историческое европейское поприще и наконец распадется для того, чтобы уступить место ему самому; он тратил на нее лучшие силы, но никогда ее не любил, страдал от нее, ненавидел ее, и теперь когда империя действительно близка к распадению, не от него должна она ждать себе помощи. Народ сбросит ее с себя чтобы вздохнуть, наконец, и проявиться свободно. Реформаторы наши не поняли, что вместе с крымской катастрофой и со смертью Николая, пробил последний час и для петровского государства.

«Российская империя, этот колос на глиняных подставах, рушится!» начинают говорить с восторгом враги России. Да, он рушится, но погодите радоваться. Распадение этой империи не будет похоже на одновременно готовящееся разрушение австрийской и турецкой империи. После них не останется ничего, кроме разнородных племен, которые с негодованием и ненавистью отвергнут их имя, — на развалинах же русской империи заживет русский народ. Отнимите у России Польшу, Литву, Белоруссию и Малороссию; отделите от нее Финляндию, Остзейские губернии, Грузию и весь Кавказ; останется огромное великорусское племя в 40 миллионов, племя бодрое, умное, широкоспособное, еле-еле тронутое, а потому и не истощенное историей, и которое, можно сказать, до сих пор только готовилось к своей исторической жизни. Все его прошедшее имеет лишь один этот смысл великого приготовления. Побуждаемый может быть инстинктом великих будущих судеб, великорусский народ хранил себя, свою целость, свое первобытное чисто славянское общественное и экономическое устройство, от всяких внешних и внутренних натисков и влияний. Со времени образования московского царства и до сих пор он жил можно сказать, только внешней государственной жизнью. Как не было тяжко его положе-

ние внутри, доведенный до крайнего разорения и рабства, он все-таки дорожил единством, силой, величием России, и для них был готов на все жертвы. Таким способом образовался в великорусском народе государственный смысл и патриотизм не на словах, а на деле. Таким образом он один успел между славянскими племенами, один удержался в Европе и дал себя почувствовать всем, как сила.

Но в тоже время как он послушно и терпеливо нес службу царскую против всех внешних врагов России, он внутри отстаивал свою веру и свою самобытность. Он доказал тем, что послушание и долголетие его имеют границы, что он умеет постоять за свои убеждения и что воля царя для него далеко не безусловный закон. Борьба эта вся выразилась в одном слове: *Раскол*. Сначала оно выражало протест исключительно религиозный против насилия религиозного, против смешения власти духовной и светской, против притязаний царей стоять во главе церкви. В последствии и очень скоро оно получило значение политическое и общественное. В нем выразилось разделение России на *официальную* и на *народную*. В государстве и в обществе, созданном Петром I все было чуждо народу: законы, классы, порядки, нравы, обычаи, язык, самая вера – даже сам царь, назвавшийся императором, которого народ назвал слугой антихриста, но который и посреди этого отчуждения продолжал еще быть для него символом единства России. И вот, отдав царю свою службу, свои деньги, свою кровь и свой пот, всю свою материальную силу, народ унес свою душу, свою заветную жизнь, свою социальную веру в раскол. Тщетно боролись против него все цари, начиная от Алексея Михайловича и до Александра II; тщетно старались задушить его в крови мучеников. Чем беспощаднее становились преследования, тем могущественнее развивался раскол. Он разлился по России как широкое море. Так что

Я думаю, что поляки делают большую ошибку, ставя вопрос таким образом. Ошибка, впрочем, понятная и простительная: они лишены своей национальности, они страдают под страшным и унизительным гнетом, они со страстной грустью смотрят на свое прошлое, которое не то, что наше прошлое: нам жалеть нечего, у нас все позади отвратительно-гадко, наша жизнь вся впереди. В прошлой жизни поляков так много прекрасного и благородного, что есть о чем пожалеть и чем погордиться. Но как бы оно прекрасно ни было, прошлое все-таки прошлое, для него нет возврата. И точно также как лицам, горе тем народам, которые слишком долго и много смотрят назад: они обессиливают свое настоящее и свое будущее. Ретроспективность эта особенно тем вредна, что она сбивает начала: что она в пользу иссякших источников прошедшей славы и силы, жертвует теми живыми началами, из которых единственно может возникнуть настоящая сила и жизнь. Например, католицизм был во одно время душой рыцарской Польши. Впоследствии, превратившись в иезуитизм, он ей навредил много, оттолкнув от нее Украину. Но после того, он снова сделался ей полезен, отделяя ее национальность и мешая ей слиться с николаевской Россией. Следует ли, однако, из этого, чтобы он мог быть в настоящее время живительным началом для Польши? Многие поляки так думают; но я уверен, что они жестоко ошибаются и, что эта ошибка приносит положительный вред самой Польше. Из дряхлого, отжившего, умирающего мира, жизнь новая не может возникнуть. Другой пример: Старинное Польское Королевство было по преимуществу рыцарским, аристократическим, только в античном смысле – тогда вельмож-магнатов мы назовем аристократией, вольную шляхту демократией, а собственный народ, хлопов, теми рабами, черная работа которых была по древнему понятию необходима для существования

что пора нам наконец снять с себя постыдный, смертный грех против великой славянской мученицы, пора нам перестать убивать самих себя, свой единственный исход, свою будущность в Польше. Пока мы тесним ее, нам нет дороги к славянскому миру.

Против необходимости польского освобождения мало кто теперь спорит в России. Во время и после крымской компании, она сделалась очевидной для всякого сколько-нибудь рассудительного человека. Всякий понял, что, равно как и немецкая дружба, польское рабство, нисколько не прибавляя нам силы, парализует нас во всех отношениях. Говорят, даже, что сам император Николай перед смертью, готовясь объявить войну Австрии, хотел позвать всех австрийских и турецких славян, мадьяр, итальянцев к общему восстанию. Он вызвал сам против себя восточную бурю, и, чтобы защититься от нее, из императора-деспота хотел было превратиться в императора-революционера. Говорят, что возвзвания к славянам были им уже подписаны, и между ними возвзвание к Польше. Как ни ненавидел он Польшу, он понял, что без нее славянское восстание невозможно, и он, будто бы вынужденный необходимостью, победил себя до такой степени, что готов был признать независимое существование Польши, но со свойственной ему оригинальностью произвола, только по ту сторону Вислы. Однако видно, и это показалось ему слишком много: он умер. Но с тех пор, мысль о необходимости освобождения Польши в России не умирает. Теперь она овладела всеми умами. Вопрос состоит только в том как освободить ее? Поляки потребуют может быть слишком много. Они не удовольствуются одним Царством Польским, изъявят исторические притязания на Литву, Белоруссию, даже включая Смоленск, на Лифляндию, Курляндию и на всю Украину, включая Киев. Одним словом, захотят восстановить все Польское Королевство в древних пределах.

под конец своего долголетнего царствования, сам Николай должен был сознаться, что он против раскола бессилен.

В расколе продолжилась и сохранилась для народа прерванная Петром история народной России. В расколе – его мученики, святые герои, его заветные мечты и надежды, в нем пророческие утешения народа. Раскол двинул вперед его социальное воспитание, дал ему тайную, но тем не менее могущественную политическую организацию и сплотил его в силу. Раскол подымет его во имя свободы на спасение России.

«Времена приближаются» так говорят раскольники. Освобождения ждет теперь народ от царя, и горе царю, горе дворянам, монополистам, офицерам, чиновникам, казенным попам, всей казенной России, если народу не дастся теперь *полная свобода с полным обладанием землей*.

Указом царским, всей силой предшествовавших обстоятельствам, которых этот указ был только необходимым последствием, этот народ призван теперь к участию в русской политической жизни, в русской истории. И что бы не делали, какими бы доктринерскими преградами и насилиственными препятствиями не вздумали бы заложить ему дорогу вперед, он от этого призыва теперь не отступится. К тому же без его живого участия и обойтись нельзя. Немецкие подставы петровского государства стенили, сам кнут потерял свою силу. В империи нет даже и николаевского порядка. Все расстроено: финансы, армия, администрация, и что еще плачевнее, в правительстве нет смысла, нет воли, нет веры в себя. Его никто не уважает. В одно и тоже время, как все существа слабые, оно мягко и жестко, никто не любит его за мягкость, никто жестокости его не боится. Оно сердится, грозит, ссылает в Сибирь, стреляет в народ, а над ним смеются. Оно само над собой смеется, противореча себе беспрестанно, приказывая сегодня то, за что вчера наказывало, так что все сбились с

толку. Анархия, недоверие к себе и взаимное недоверие, сознание не только своего бесправия, но и своего бессилия, сомнение и страх перед завтрашним днем, неурядица, во-пиющая в намерениях, в речах и поступках, одним словом, совершеннейшая дезорганизация, несомненный признак неминуемого распадения, овладели всеми слоями, всеми властями, всеми чинами официального государства. Старый императорский мир валится, с ним вместе валится вся казенная Россия: дворянство, чиновничество, казенная армия, кабак, острог и казенная церковь или в старом николаевском смысле: народность, самодержавие и православие – все эти выродки чудовищного сочетания татарского варварства с немецкой политической наукой, обречены на несомненную и скорую гибель. Что же останется живым?
– Один только народ.

В начале нынешнего царствования правительство хотело было опереться исключительно на чиновников, с их помощью произвести реформы, казавшиеся ему необходимыми. Вся Россия возопила против него. Чиновничество еще более ненавистно народу чем само дворянство, к тому же оно ничто иное как тоже дворянство, только на государственной службе, то есть в отвратительнейшем из своих проявлений. Чиновник, это та палка в руках царей, которой они бесщадно били народ в продолжении двух целых веков, это – та длинная рука, которая разорила народ и разграбила государство, – всякий, кто знает Россию, понимает очень хорошо, что честный, народолюбивый, государственным интересам преданный чиновник, возможен в ней только как уродливое исключение, как логическая нелепость, и что такая нелепость, против напора русской официальной деятельности, необходимо влекущей к воровству и к обману, никогда долго удержаться не могла и не может. Везде бюрократия мертвит, а не живит государства. В России же она все развратила – и от чиновничества-то

возможных практических применений, уяснить условия их развития и осуществления, наконец распространять их как для пропаганды, так и для того, чтобы сделать их предметом публичного обсуждения. Изучая их, мы сблизимся больше с народом, и так пусть каждый из нас по мере сил своих займется этим делом серьезно. Но боже избави нас от одной ошибки: не будем доктринерами, не станем сочинять конституций и наперед предписывать законы народу. Вспомним, что наше призвание иное; что мы не учители, а только предтечи народа; что мы должны расчистить перед ним дорогу, и что наше дело по преимуществу не теоретическое, а *практическое*.

Мы должны, *в-третьих*, подать братскую руку всем Славянам, но прежде всего и во чтобы то ни стало, нашим оскорбленным братьям Полякам, примирение с которыми для нас столь же необходимо, как и сближение наше со своим народом. Поляки наши ближайшие соседи. История до такой степени связала их с нами, что судьбы обоих народов стали нераздельны: их беда – наша беда, их рабо-ращение – наше рабство, их независимость и свобода – наша свобода. До тех пор, пока мы насильственно владеем Польшей, мы должны содержать огромную военную силу, разорительную для народа, и которая, научившись в Польше бесчеловечно резать народ, сделается потом самым лучшим орудием для домашнего притеснения. Пока мы владеем Польшей, мы должны оставаться рабами немцев, невольными союзниками Австрии и Пруссии, с которыми мы ее преступным образом разделили. Только соединенные усилия трех немецких держав могут ее удержать под ненавистным гнетом венским, берлинским и петербургским. Отступись одна от воровского союза и Польша свободна. Немцы не отступятся, но мы должны отступится, мы должны перестать быть санкт-петербургскими немцами. Мы должны, во-первых, по справедливости, и потому,

Народу нужна *свобода*; но не выкроенная по узкой мерке наших доктринеров ученых и бюрократов. Ему нужна вся *свобода*, и прежде всего неотчуждаемая и бесконтрольная *свобода движения*. Всякий русский человек должен идти куда хочет, заниматься и делать чем хочет, не отдавая никому отчета. Право выхода для лица, из того общества, посреди которого он живет, мещанина из города, селянина из общиной, должно быть безусловное и беспрекословное. Так что в русском мире останутся только два, сословия: горожанин и селянин; даже и не сословия, а только различия и различия не окаменелые, как на Западе, но переливающиеся друг в друга свободным передвижением крестьян в городское общество, а горожан в сельскую общину.

Ему нужна полная и безгранична свободы веры и слова, свобода торговли и промысла, и, наконец, свобода собираться публично для политических и не политических целей. Одним словом, ему нужны все свободы, все разнородные проявления одной свободы. А для того, чтобы свобода стала для него действительностью, ему нужно *Самоуправление*, устройство которого дай бог чтобы произошло не по велению диктатора, и не по решению верховного парламента, точно никогда не выражавшего волю народную; не сверху к низу, как это делалось по сию пору в Европе; но органически, снизу вверх, через вольное соглашение самостоятельных обществ в одно целое, начиная от общин, – социальной и политической единицы, краеугольного камня всего русского мира, – до областного, государственного, пожалуй до федерального общеславянского управления.

Вот что, по-моему мнению, вполне соответствует сознательным и бессознательным желаниям народа. Основания просты и так достаточны, что на них может построиться целий мир. Они не раз прямо и косвенно были высказаны в «Колоколе» и, кажется, взяты прямо из жизни народа. Остается обдумать их со всех сторон, исследовать их во всех

ждать спасения России! Толька одному Петербургу могла прийти в голову подобная глупость, – к тому же чиновник теперь далеко не верный слуга царю самодержцу. Он потерял веру в царя, он не полагается безусловно на царскую силу, он ищет для себя опоры более надежной в общественном мнении, с которым кокетничает из чувства самосохранения, в ущерб и на счет царской власти. И наконец две-трети русского чиновничества состоят исключительно из дворян, столбовых или нестолбовых, это все равно, у них права одинаковые. К дворянству принадлежит вся чиновная жизнь, все люди с влиянием и силой. Каким же образом, в вопросах, поднятых ныне правительством, в деле освобождения крестьян и уничтожения помещичьей власти, чиновник-дворянин станет действовать против дворянина-помещика, то есть против самого себя? ведь римские добродетели у нас не в моде, самопожертвование для официального человека слово пустое, а страх царя ныне не действует. И мы видели, как за исключением немногих истинно-благородных примеров, огромнейшее большинство дворян-чиновников, министры, вельможи, губернаторы, вся бюрократическая знать, а за ней и чиновная сволочь, обратились против царя, за помещиков. Для вразумления нашего официального мира нужен другой страх – страх народа. Но от этого страха видно самому царю становится неловко, что, потеряв надежду спастись через чиновников, он ищет теперь спасения в дворянстве.

Да, сцена теперь переменилась. При Ростовцове, при Милютине дворянству грозили во имя народа. Теперь в нем открылись баснословные доблести и называют дворян и старшими сынами России, опорой престола, красой отечества. Откроют без сомнения скоро, что они были благодетелями своих крепостных мужиков и что народ, обожающий их не хочет освобождения. Если верить речам, произнесенным недавно Петербургским генерал-губернатором,

дворянству отданы в руки судьба и будущее устройство России. Губернским дворянским собраниям поручено обсудить реформы финансовые, судебные, административные, и, пожалуй, кончат тем, что дадут *дворянскую конституцию*.

Что же такое русское дворянство?

Во-первых, эти дети тех московских бояр, служилых людей, которых царь Иоанн Васильевич грозный казнил, а народный герой Стенька Разин сотнями вешал за то, что они притеняли и грабили русский народ. Дети тех доморощенных аристократов, лишенных всякой тени личного достоинства, которые, когда писали просьбы к царю, называли себя его рабами, подписываясь «Ваньками» да «Кондрашками», и которых московские цари били и велили бить сколько и когда им было угодно. Это – то, неподвижное, бессмысленное, давно сгнившее, и во всех отношениях тягостное и вредное для государства сословие, которое Петр великий сломал, превратив его окончательно в служебную касту и вознаградил его тем, что отдал ему половину сельского населения в полное рабство. Это – то подловаро-воровское сословие, которое со времен Петра и до нашего времени, под именем чиновников и офицеров наполняло все полки и все канцелярии, и бессовестно набивая свои бездонные карманы, служило более полутора века бесстыдным и бесчеловечным орудием самому гнуснейшему деспотизму; которое в тоже самое время грабило, мучило, насиливало, ссылало в Сибирь, меняло, продавало, проигрывало своих крепостных, и разоряя народ, не умело даже сохранить себя от совершенного разорения. Это, наконец – то блудно-преступное сословие, которое в последнее время, как чиновничество, под руководством самого императора Николая довело Россию до края гибели, а как помещичий класс, стало предметом презрения и ненависти для всего, что есть умного и живого в России.

локолом»: «Земля да Воля». Ему нужна не часть земли, но вся русская земля, как принадлежность и неотъемлемая собственность всего русского народа, с выкупом или без выкупа, все равно. Выкуп быль бы возможен, если бы дворянство было умно и мирно отказалось бы оттого чего держать невозможно, то есть от своего особенного существования. Выкупа не будет, если народ принужден будет взять насилино то, что ему принадлежать по самому смыслу его коренных убеждений. Дворянство будет разорено, бог с ним! Оно будет счастливо, если за все грехи старые, да за новую глупость поплатится только одним разорением. Так или иначе и в непродолжительное время, вся земля должна сделаться собственностью всего народа, с решительным уничтожением личного поземельного права, чтобы не было на ней ни больших, ни малых помещиков, собственников-монополистов, но чтобы всякий русский человек, по одному праву рождения, мог бы владеть ей сообща с другими. Чтобы на основании этого права, всякая высяющаяся община могла бы беспрепятственно брать любое пустое место в целой России в вечное общинное владение; но чтобы владение личное такими же местами было ограничено сроком. Чтоб наконец на том же основании, каждое отдельное лицо, к какому бы прежде оно ни принадлежало сословию, могло бы по праву или приписаться к существующей общине, или соединившись с несколькими такими же лицами, образовать новую.

Я думаю, что исключительное присвоение народу права собственности над всей землей, и общинное владение ей, есть именно то коренное общеславянское начало, полное осуществление которого, со всеми вытекающими из него последствиями и богатыми применениями, составляет историческое призвание славян. Я думаю, что его одного достаточно будет, чтобы связать все славянские племена в братское единство.

воля. К ним примыкает все сильное, молодое, все что носит в себе семя будущего, все что тяжко страдает и жаждет спасения, все что бодро хочет в России начиная от дворян и до мужиков, от мыслителей до раскольников. Живое слово – их оружие. У них нет штыков, но есть слова, которые стоят штыков. Они порождают дела и пробуждают народы.

К этим людям знакомым и незнакомым, обращаюсь я теперь, как братьям, и вместе с ними спрашиваю: *что должны мы делать?*

Мне кажется, что мы должны, *во-первых*, оставаясь посторонними зрителями всего, что делается и пробуется ныне в официальной и в собственно дворянском мире, всех этих конституционных и полу-конституционных попыток, которые разумеется кончатся ничем, прибавят только беспорядка к существующему беспорядку и может быть ускорят неминуемый разгром империи народной силой, мы должны прежде всего крепко между собой соединиться, дабы образовать *народную партию* и силу сознательную, целесообразную, действительную, *вне и против официальной силы*. Должны организоваться и образовать *кружки*, должны искать и узнавать людей, чтобы знать на кого рассчитывать, когда время придет для открытого действия. Должны *собирать деньги* для того, чтобы иметь возможность посыпать друзей в Россию и выписывать их оттуда для того, чтобы публиковать и распространять по империи как можно больше брошюр и других сочинений, для того, наконец, чтобы создать бесчисленное множество деятельностиных кружков по целой России и связать их в единое общество.

Во-вторых, мы должны громко и ясно выговорить цель общества. Но может ли быть у нас иная цель и другое желание кроме *пришествия народного царства*. Мы любим только народ, верим только в народ, и хотим только того чего хочет народ. Но что нужно народу? Повторю к «Ко-

Нет сомнения, что между дворянами были и есть люди, которые своим умом, образованностью, чистотой характера и благородством стремлений заслуживали и заслуживают всякого уважения. Но такие люди всегда составляли лишь исключение и никогда не выражали сословия. Напротив, они шли, жили и действовали наперекор привычкам и интересам той касты, которой принадлежали по рождению. Западная образованность, коснувшись дворянства, произвела два различные результата. На большинство она действовала развратительно: дав ему новые привычки, новые вкусы и познакомив его с европейской внешностью, она не изменила ни его бояро-татарской души, ни его рабски-деспотического направления. Оторвав его таким образом от народа, она заставила его презирать народ и превратила его окончательно во врага народного. Иначе она действовала на меньшинство русского дворянства, в начале бесконечно-малое, состоявшее из какого-нибудь десятка людей избранных. Она пробудила в них новую духовную жизнь, зажгла в них искру общечеловеческой любви и благородных помыслов, создала мир идеальный, прекрасный, но бессильный и неспособный к осуществлению, бессильный потому, что и он, развившись под исключительным влиянием запада, вне русской деятельности, не имел ничего общего с жизнью русского народа, не имел земли под ногами для действия. При таких неблагоприятных условиях, мир этот, однако, не пал, но стал развиваться с неимоверной скоростью, вместе с развитием нашей литературы и с образованием наших университетов, между которыми университет московский присвоил себе как бы особенную привилегию хранителя и распространителя священного огня между неиспорченными детьми развратно-дикого дворянского рода. При Александре дворян-идеалистов было уж не десять, а несколько сотен. Они высказали в декабрьской революционной по-

пытке все благородство, всю возвышенность своих стремлений, но вместе и бессилие свое. Между ними были люди гениальные, как например Пестель, который первый про видел историческую необходимость социальной, экономической революции в России, распадения русской империи и вольно независимой федерации славянских племен, он все предсказал, но ничего сделать не мог, потому что действовал как дворянин в России, где дворянства за старые и новые грехи обречено на верную гибель, а меньшинство должно слиться с народом, потеряться в народе, для того, чтобы жить и действовать вместе с народом, или обречь себя на постыдное бездействие и на ответственность за грехи большинства.

И, теперь уже не сотни, а тысячи дворян, все, что есть дворянство с мыслью истинно благородной и живой, требуют уничтожения дворянского сословия. Если бы большинство было умнее, оно поняло бы, что сила теперь не в царе, а в народе, что народ никогда не примирится с дворянством, что ненависть к дворянскому племени в нем равно сильна с любовью к воле, к земле, и что в грозящей нам внутренней бури, нет для дворян другого спасения как в совершенном уничтожении не только всех привилегий дворянства, привилегий смешных и ныне совершенно нелепых, но и всех внешних условий и знаков дворянского существования, даже до дворянского имени.

Большинство русского дворянства не понимает этого. Поймет, когда блеснет топор... Неужели для полноты исторического развития нашего, нужно трагическое его окончание. И вот вместо того, чтобы мириться с народом оно требует у царя сохранения своих прав и привилегий, в замене чего обещают ему свою опору. Но где его сила? В народе? – народ его ненавидит. И так только в царе. Но царь, чувствуя свое бессилие, сам хочет опереться на своем верном в блуде дворянстве. Бессилие будет поддерживать

бессилие. Да это просто нелепость. Что же делать, помиримся и с ней на время, но только на короткое время. Нам ждать придется не долго. А покамест пусть поиграются немного в игру парламентскую, пусть перепутают все в этом и без того страшно запутанном мире официальной немочи и бессмыслия, пусть окончательно сбьют с пути бедное петровское государство. Пробуждение близко и будет ужасно.

В России нет живых сословий. Ни дворянство, ни духовенство, ни купечество – все выродки петровской системы, не в силах жить своей жизнью. Есть только один *живой народ*. В нем сила и будущность нашей родины. И так да здравствует *крестьянская Россия*!

В России есть еще другая сила; не сословная, ибо она основана на отрицании всех сословных различий, незримая, но тем не менее действительная; не слившаяся еще с народом, живущая вне его, но только для него, и страстно желающая полного с ним соединения. Эта сила есть общество всех людей живой мысли и доброй воли в России, соединенных безграничной любовью к свободе, верой в русский народ, в будущность всего славянского племени. Она состоит из бесчисленного множества лиц всех сословий: дворянства, чиновничества, духовенства, купечества, мещанства, крестьянства – не только душой и мыслю, а часто и самой жизнью, оторвавшаяся от сословий и от всех призванных положений в России, ненавидящих настоящее, готовых отдать жизнь свою на будущее, живущих завтрашним днем и так сказать на воздухе, бездомная, странствующая церковь свободы, разбросанная и за границей и по целой России, но живущая в тысячу раз действительнее, чем все так называемые полезные люди. Их общественное влияние сильнее, чем влияние самой власти в империи. Инстинкты народа им не чужды. Они подслушиваются к ним и живут в них как мысль, как страсть сознательная, как